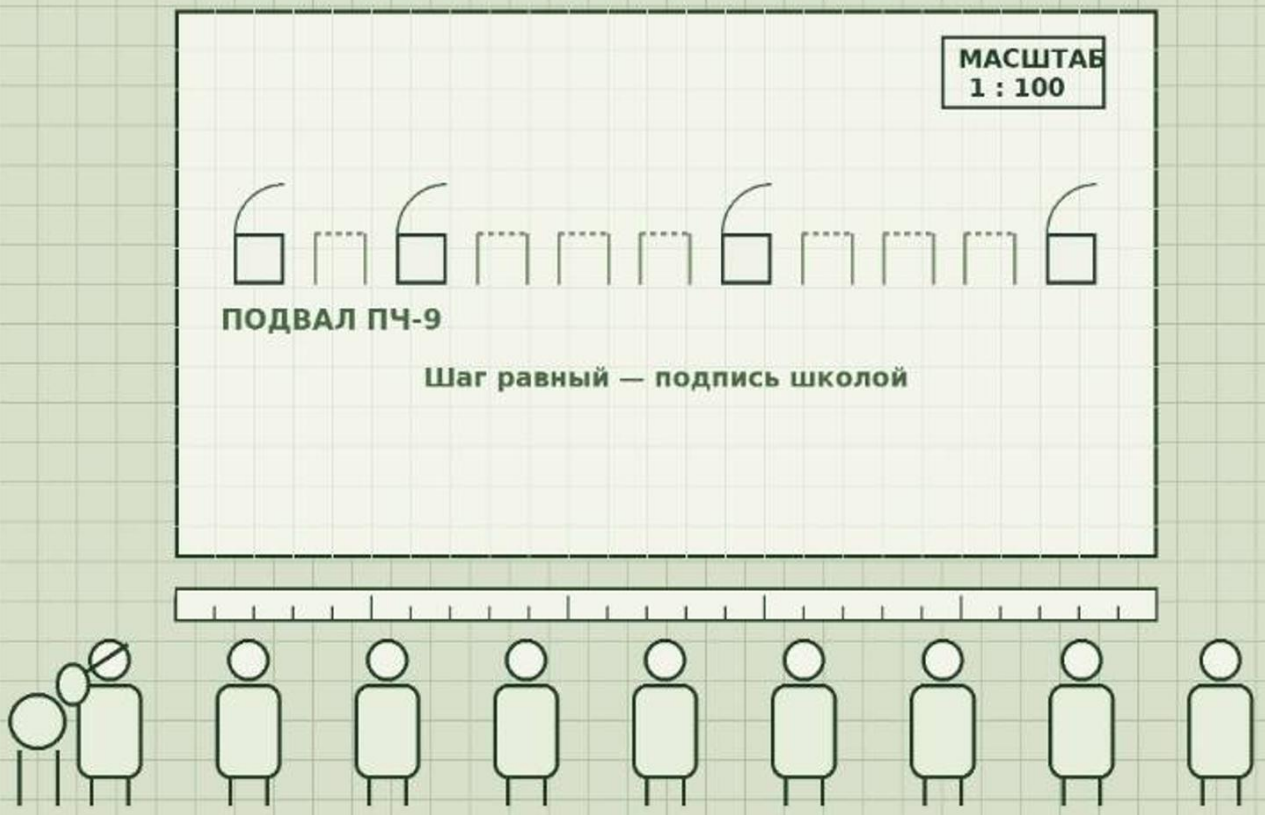
ЗЕЛЁНЫЕ СВИДЕТЕЛИ

МАСШТАБ ОДИН К СТО

Книга шестая



сатирический детектив

СЕРГЕЙ ЛОЗОВ

Сергей Лозов

Масштаб один к сто

«Автор»
2026

Лозов С. Ю.

Масштаб один к сто / С. Ю. Лозов — «Автор», 2026

В райцентре, где фонды хранятся по этажам, а спускаться разрешено только вверх, следствие впервые за сорок восемь лет выписало наряд, которому бумагам приёмной разрешили иметь последствия.Книга шестая начинается не с двери, а с чертежа: одиннадцатая дверь заперта, зато в фонде БТИ лежит план здания ПЧ-9 с четырьмя дверями — против одиннадцати настоящих. Масштаб один к сто обещает, что весь дом поместится в лист. План не врал. План умел не договаривать.Обмер шагами по живой мерке вернул стене семь дверей, которых не рисовал ни один лист, — до сантиметра, потому что план не умел считать криво. За швом, который заделывали дважды, — табель смен с вырезанной фамилией и меловой столбик, который вели снизу вверх: от шестисот сорока до счёта травы.Теперь очередь закрыла весь фонд — двумя тысячами живых описей, — и фонд впервые ответил по существу: «Мёртвых описей не имеется». А рука с визой «А.» и ставкой по тарифу за двоих назначила себе явку без явки.

© Лозов С. Ю., 2026
© Автор, 2026

Сергей Лозов
Масштаб один к сто

ЗЕЛЁНЫЕ СВИДЕТЕЛИ
Книга шестая
МАСШТАБ ОДИН К СТО
сатирический детектив
Сергей Лозов
* * *

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой следствие начало с чертежа, кульман промолчал по регламенту, а масштаб один к сто оказался не мерой, а решением

Понедельник, Сергей, я помню по трём предметам: наряд, кульман и конверт.

Наряд — тот, который я выписала в девять ноль-ноль и выписала не на вскрытие, а на обмер: следствие в этот день начало с чертежа. Кульман — тот, что стоит в райцентре у окна и отвечает только на черчение; в понедельник он промолчал, и молчание это было показательное. Конверт — первый, ушедший с первой почтой шестой книги: в нём запрос штатной истории одиннадцатой комнаты, тот, что мы обещали отправить, не дожидаясь понедельника, и сдержали слово в первую же его минуту.

Начать надо с того, что дверь мы в понедельник не открывали. Одиннадцатая заперта обратно, нить не дёргана — и до финала не дёргается: у нитки, между нами, свой график, и дёргать её в первой главе всё равно что спрашивать у вещи, о чём она подумает к концу книги. Вместо двери — лист. У объекта, который не подлежит закрытию, положен план; план у нас в фонде один; дверей в нём четыре.

Четыре вместо одиннадцати — это, Сергей, не опечатка и не потерянная страница. Цепочка сходится с пятницы: обход Кораблёва со Стрельцовой — одиннадцать дверей, по одной на строку; живая мерка прошла подвал шагами и вернула семь дверей в длину законно; акт живой мерки № 19/V подписан и имеет действие — «передать в БТИ с нарядом». Передаю.

Очередь пришла в восемь, как всегда, и встала спокойно: смена, которая не закрывается графиком, закрылась пятницей, и очередь, между нами, теперь делает то, что делает штат, — ждёт свою строку. Пятьдесят один человек. Вера Степановна легла у прилавка со стороны внутренней. Кеша открыл багажник с ночи — значит, пассажир будет; я тогда ещё не знала, что пассажир этот — план.

Наряд выписывался час, и час этот — если мерить его правками, а не минутами, — был самым требовательным документом за полгода следствия. У наряда нет черновика. У наряда есть тот, который подписали, и тот, который сожгли, и промежуточного между ними не существует: бумага, которую можно править бесконечно, в нашем районе называется не бумагой, а разговором.

Графа «Основание» писалась трижды. В первый раз я вписала «объект не подлежит закрытию» — Гвоздева остановила мою руку: «Это вывод ревизии, капитан. Вывод не основание. Основание — то, на чём вывод стоит». Во второй раз я вписала номер вывода — Гвоздева остановила снова: «Номер не основание. Номер — это адрес основания. Основание — акт, который под номером лежит». В третий раз я вписала три строки: вывод ревизии, акт живой мерки, регламент фонда. Наряд на одной опоре в районе зовут запиской. Наряд на трёх — документом. Записка умирает в первый же день. Документ доживает до следствия — и разница между ними не в словах, а в том, сколько раз их можно цитировать вслух и не покраснеть.

Графа «Мера» тоже писалась с остановками. Я хотела вписать «шаг» — и вовремя вспомнила: БТИ шагов не принимает. Я хотела вписать «метры» — и не смогла: метр без шага мёртв;

метр — это шаг, который перестал двигаться, а это уже перевод, и перевод обязан значиться по имени. Так в графе появилась строка «шаг по живой мерке с переводом», и строка эта сделала наряд честнее любого штампа: она объявила, что следствие везёт в фонд не число, а меру, которая умеет объяснить, откуда число взялось.

Кеша в это время ходил вокруг багажника. Багажник был открыт с ночи — по обязанности, не по привычке: открывать багажник накануне — значит объявить вещам, что завтра будет поездка, и вещи слышат объявление раньше людей. Кеша поправлял в нём одеяло. Одеяло — не для тепла: для тишины. Лист, который едет, не любит дребезга, а дребезг в багажнике — это не шум, это правка листа без ведома руки.

Тумин принёс сопроводительное и расписался в графе «Принял» — кривой подписью, вниз, с нажимом в начале и с уступкой в конце. Подпись я рассматривала дольше, чем положено протоколу: кривизна в ней была не порча — дата. Ровную подпись ставит рука, не пережившая событий. Кривая — рука, которая всё это время держала перо не за нас и от этого научилась писать в две стороны сразу. Я внесла сопроводительное в реестр почты первым документом шестой книги — раньше наряда, и это был правильный порядок: сначала объявить, что следствие пишет в мир, потом показать, чем пишет.

Гвоздева, дочитав графы, задала единственный вопрос дня:

— А если БТИ ответит вежливым отказом?

— Тогда у нас появится отказ по форме, — сказала я. — А отказ по форме — это тоже форма. Та система, которая сорок восемь лет не отвечала нам на вопросы, начинала с формы. Теперь форма работает в обе стороны.

— А если ответит неправдой?

— Неправда в ответе проверяется обмером, — сказала я. — Обмер у нас назначен раньше, чем ответ приедет. Это не спешка, это перестановка: сначала мера, потом слова. Слово, которое пришло после меры, оспаривать нечем — его нечем превысить. А слово, которое пришло до меры, проверяется мерой целиком.

Очередь стояла у ограды и ждала — молча, по-очередному. Очередь знает: когда следствие пишет бумагу, мешать нельзя. Бумага в нашем районе — не разговор. Бумага — присяга: написанная строка потом стоит перед всеми и отвечает за сказанное. Поэтому очередь молчит, пока следствие пишет, — и требует читать вслух, когда следствие кончает.

После наряда я открыла тетрадь и выписала расписание недели — не для себя: для очереди. Расписание висит теперь на прилавке, и очередь сверяется с ним, как сверяются с расписанием дальнего поезда: по нему видно не только когда, — видно, что уже не отменят. В расписании стояло: понедельник — наряд и первая почта; среда — явка в фонд по регламенту этажей; суббота — обмер. Три события на неделю. Очередь прочла расписание, сверилась и осталась стоять: очередь, которая умеет ждать по строке, — это не толпа. Это документ, у которого есть воля.

Первое действие шестой книги — почта, не дверь. Гриша принял запрос штатной истории одиннадцатой комнаты и расписался в реестре почты строкой, у которой теперь будет обратный адрес. Сопроводительное Тумин подписал лично — кривой подписью, в графе «Принял». Дрожь, между нами, после сорока восьми лет ровного письма считается не порчей документа, а датой под ним.

Тумин при этом сказал фразу, которую я внесла в реестр дословно: «Бумага ездит — герои стоят. В райцентре раньше ездили только приписки». Он имеет право на эту фразу: сорок восемь лет он был той стороной, по которой ездили.

Второе действие — наряд. Выписала я его по цепочке граф, и цепочка эта — не риторика, а форма. Основание первое: объект не подлежит закрытию — вывод ревизии, принят очередью стоянием, подшит. Основание второе: объекту положен план; плану — одиннадцать дверей; в фонде числится четыре. Основание третье: акт живой мерки № 19/V с действием «передать в

БТИ с нарядом». Меру в наряд вношу шагом; подвальную рулетку в наряд не вношу — она ворованная и подрезанная, а мера под следствием мерой не бывает. БТИ шагов не принимает, принимает метры. Значит, между шагом и листом нужен переводчик, а переводчик — это обмерщик. Кого назначить обмерщиком — решим по фонду, и в этом была вторая интрига понедельника.

Обратно шли той же дорогой — сорок минут, и это правильная длина обратной дороги: нога, которая вернулась быстрее, чем ушла, не несла ничего, кроме себя. Кеша нёс багажник и слушал его дыхание: пассажир внутри лежал ровно, не переворачивался и не шуршал — лист с четырьмя дверями ехал так, как едут приглашённые: вежливо и молча.

Дома план лег на стол следствия — и стол под ним на секунду прогнулся не от веса. Вес у листа был граммовый. Прогнулось другое: стол понял, что на нём теперь лежит документ, который умеет спорить с самим собой, а документы такого рода не кладут — их ставят.

Регистрацию провела по полной форме: предмет, состояние, четыре двери, штамп масштаба, пустая графа. К пустой графе приложилась отдельная строка протокола: «графа пустая — не зачёркнутая, не заполненная; состояние — ждущее». Гвоздева спросила, как писать состояние ждущей графы, если графы не подлежат опросу. Я ответила, что графу не опрашивают — графу фиксируют: у пустой графы состояние видно издалека, как у незанятого места в очереди.

— А если она не ждёт, а просто пустая? — спросила Гвоздева.

— Тогда в графе должны быть следы: зачёркивание, правка, штамп отмены, — сказала я. — Следов нет. Чистая пустота на документе, который сорок восемь лет лежит в фонде, — это не отсутствие записи. Это выдержанная запись: кто-то держал её пустой и не давал никому заполнить.

Вера Степановна прошла вокруг стола один раз и легла у багажника — со стороны внутренней, к привезённому. Показание внесла строкой: коза признала лист до того, как лист признали мы. Коза в этом районе не запаздывает с признанием — она запаздывает с терпением, и терпение её закончилось ровно в тот момент, когда пассажир занял место.

Вечером я собрала состав на короткий план — десять минут, потому что планы дольше десяти минут в нашем районе превращаются в собрания, а собрания — в новый план. Распределила: в среду — я, бабушка и Вера Степановна, по регламенту этажей; Кеша и Ветров остаются на строке и вахте; Гвоздева ведёт протокол по описям, которые привезёт Гриша. Тумин встал отдельно и сказал:

— В среду спросите у них про меня.

— Зачем?

— У них в фонде сорок восемь лет лежит то, что я подписывал. Пусть скажут, что они про эту подпись думают. Давно не слышал чужого мнения о собственной работе — только своё. Своё я уже слышал. Оно совпадает.

— А что говорит ваше?

— Что сорок восемь лет я подписывал честно, — сказал Тумин. — А честная подпись под нечестным листом — это тот же подлог, только с промашкой в обратную сторону. В этом весь почерк системы: она не врёт руками. Она руками ставит свою честность там, где надо.

Субботу я выписала в график окончательно: обмер по строке — от первой двери до седьмой, шнур отцовский, тетрадь Кешина, простуч полный. Нить не трогаем. Ветров — на ночной вахте: его список подвальных звуков пока пуст, и пустой список я вела как строку — звуки молчат, значит, стена пока спокойна за свою правду.

Ночью я вышла на крыльцо с фонарём — без повода, по обязанности: ночная проверка, введённая ещё в третьей книге, всегда обходится без повода. Трава лежала вдоль дороги ровно и тихо. Вера Степановна стояла у ворот и смотрела в сторону райцентра — туда, где за сорок минут пешком стоит фонд с молчащим кульманом. Я посмотрела туда же и внесла в реестр

строку, которая лучше любой подписи объясняет, чем мы заняты в понедельник: молчание кульмана — это не отсутствие ответа. Это ответ, у которого есть срок, и срок этот наступает в субботу — с первой линией, которая легла на лист.

ДОКУМЕНТ № 1/VI

Наименование: Наряд на обмер здания ПЧ-9 с подвалом за третьим выходом — для восстановления плана в объёме одиннадцати дверей

Ответ: БТИ наряд приняло по форме; резолюция «Принять к производству», с датой и подписью — впервые без «Принять к сведению. Мер не требует»

Связка: акт живой мерки № 19/V (действие — «передать в БТИ с нарядом»); подвальная рулетка № 23/V — под запретом как мера; вывод ревизии «закрытию не подлежит» (документ № 23/V); запрос штатной истории — первая почта

Статус: Зарегистрировано. Впервые в серии наряд выписало следствие — и было принято по форме, а не вежливо. У бумаг приёмной появилось право иметь последствия.

Дорога до райцентра — сорок минут пешком, самая короткая командировка серии. Я, Кеша с багажником и коза: фонды проверяют нюхом до того, как их открывают. Бабушка осталась при графике явок — явки, между нами, идут и в понедельник: срок назначен, а срок — это не когда-нибудь, это строка, по которой приходят. Сорок минут — и это правильный масштаб командировки: в БТИ ходят за листом, а не за приговором.

Трава вдоль дороги провожала нас торговлей: обмер, по её прейскуранту, стоит обеда с предоплатой, и обед она взяла вперёд. Направление, между нами, не доказательство, но обед — вещь вещью окупает.

БТИ стоит в райцентре так, как стоят ведомства, которые не ждали гостей: вывеска выцветшая, дверь тугая, пол натёртый — не потому, что полируют, а потому, что ходят мало. На третьем этаже нас встретила хранительница фондов — Зоя Фёдоровна, маленькая, в очках на шнурке, и счёт в фонде она ведёт не по описям — по этажам.

— По какому вопросу, дочка? — спросила она, не поднимая глаз от описи.

— По плану ПЧ-9. Девяностого года. Для обмера.

— Первый этаж — то, что не выдаётся. Второй — отказы. Третий — планы, — сказала Зоя Фёдоровна и сняла очки. — Вам, я так понимаю, по всем трём.

— Это как — по всем трём?

— Это, дочка, регламент по этажам. Спускаться разрешено только вверх.

— Это как?

— Это регламент, — сказала она. — По лестнице спускайся сколько хочешь, а по ведомству — только вверх. Первый этаж не выдаёт, второй отказывает, третий выдаёт. Хочешь третьего — поднимись через первых два.

Я поняла, Сергей: это не путаница. Это единственная в области лестница, которая, между нами, признана равной себе.

Кульман стоял у окна. Я положила рядом с ним акт живой мерки — и кульман промолчал.

— Не спрашивайте у него, — сказала Зоя Фёдоровна. — Он не отвечает на вопросы. Вопросы — не в его ведомстве. Он отвечает на черчение. Черчения нет — молчит. Молчит по регламенту.

И я фиксирую молчание как регламентное, а не как отказное: акт — не лист с линиями, значит, кульман прав, промолчав. Ответ кульмана ещё предстоит получить, и получить его можно одной валютой — рукой с рейсшиной. А чертить до обмера нельзя: это давать показания о комнате, в которой не был.

Первый экземпляр плана девяностого выдали по описи. Четыре двери. Штамп: «Масштаб 1:100». Графа «примечания» — пустая. Не зачёркнутая, не заполненная — пустая, как ждущая.

— А второй экземпляр? — спросила я.

— В фонде, — сказала Зоя Фёдоровна. — Только он в описи не текущей. В описи с пометкой «выдача — по явке».

— Кому — по явке?

— Тому, кто знает, зачем пришёл, — сказала она. — Планы не врут, дочка. Но они и не рассказывают.

Масштаб я сняла со штампа и поняла то, что стала понимать только в эту минуту. Один к сто — это не уменьшение. Это обещание: весь дом поместится в лист. Но лист имеет размер, и если в листе не помещается одиннадцать дверей, из листа выносят не стены — выносят двери. Четыре двери — не ошибка плана. Это его договорённость с листом. План не врал. План не умел врать — он умел не договаривать.

Вера Степановна в это время встала, прошла по фонду, нюхая полки, и легла у шкафа с делами девяностого — со стороны внутренней. Ошибку козы система не распознаёт, потому и проверяю шкаф до того, как его открывают. Кеша открыл багажник — пассажир нашёлся.

В двенадцать ноль-четыре труба над райцентром скрипнула — на «до», над кульманом. Я записала время. «До» — это нота, с которой труба говорит только о главном; у трубы ПЧ-9 тот же тон стоял у надзорной комнаты. Показание направления: над кульманом стоит важное.

Уходя, я спросила последнее:

— Обмерщик девяностого у вас в штате?

— В штате не числится, — сказала Зоя Фёдоровна. — Он не числился и тогда. Он мерил.

— Кто его назначал?

— Назначала, дочка, нужда. Она в штате тоже не числится, а назначает чаще всех.

Кеша нёс план в багажнике. Обратно — те же сорок минут; трава сдачи не дала, но наелась. Дома я зарегистрировала план как улику и внесла субботу в график: обмер — до седьмой двери, нить по-прежнему не трогаем, Ветров на ночной вахте слушает подвальные звуки — пока звуки молчат, что тоже строка.

УЛИКА № 1/VI

Предмет: План здания ПЧ-9, первый экземпляр, тысяча девятьсот девяностый год: четыре двери вместо одиннадцати, масштаб один к сто, графа «примечания» — пустая, не зачёркнутая

Место/Способ: Фонд БТИ, третий этаж, опись текущая; сверено с актом живой мерки № 19/V — длина стен не сходится с числом дверей

Связка: обход Кораблёва (одиннадцать дверей); ворованная рулетка № 23/V — мера, которой план мерил в девяностом; второй экземпляр — в фонде, выдача «по явке»

Статус: Зарегистрировано. План не врал — план не умел договаривать. Четыре двери — не ложь листа, а его условие.

РЕЕСТР ГЛАВЫ ПЕРВОЙ

Улика → Что это даёт → Важность → Проверка → Вывод → Действие

№ 1/VI → Четыре двери против одиннадцати → Высшая: расхождение мерки и листа — не ошибка, а решение → Сверить каждую стену с актом № 19/V до субботы → План умещал не дом — правду о доме → Обмер назначить на субботу

Масштаб один к сто → не число, а принцип отбора → Высшая: масштаб решает, что попадёт в лист → Сверить штампы фонда за десять лет: когда менялся масштаб → Кто задавал масштаб — тот правил числом дверей → Искать бумагу о смене масштаба по почте

Молчание кульмана → регламентное, не отказное → Высокая: канал, отвечающий только на черчение, нельзя допрашивать → Проверить черчением после обмера, не раньше → Кульман ждёт не вопроса — руки → Готовить руку к субботе: чья рука — вопрос отдельный

Труба «до» → над кульманом стоит важное → Высокая: нота — это голос, и у важного есть время → Сверить с нотами трубы ПЧ-9: тот же тон у надзорной комнаты → «До» прозвучало в двенадцать ноль-четыре → Вести реестр нот райцентра

Коза и фонды → легла у шкафа с девяностым → Высокая: ошибку козы система не распознаёт → Проверить шкаф по описи и по нюху → За шкафом с девяностым — живое → Второй экземпляр добирать по явке

Обмерщик без штата → человек, который мерил, не числился → Высшая: мера вне штата — та же дорога, что и рука вне штата → Сверить с ответом штатной истории по почте → Не числившийся оставил числа → Искать почерк обмера по фондам

Реестр открыт. Статус — сверено.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой обмер прошёл шагами, метры сошлись не сразу, а стена показала семь дверей, которых план не рисовал

Субботу, Сергей, я помню по трём предметам: шнур, тетрадь и шов.

Шнур — отцовский, из ящика следствия: до пятницы он числился рулеткой хозяйственной, в субботу стал мерой следственной. Мера под следствием мерой не бывает — значит, всё, что ею становится, вступает в учёт. Тетрадь — Кешина, в клетку, с графой для шагов: графы он ведёт снизу вверх, и это не привычка травы — это привычка травяного счёта, который считает при нём и без него. Шов — тот, которого на плане не было: на стене подвала он шёл ровно, как строка, и ждал обмера дольше, чем мы.

Начать надо с правил, потому что в нашем районе порядок обмера — это тоже порядок следствия. Правило первое: мерить тем, чем мерил дом, а не тем, чем мерил план. Дом мерили шагами — акт живой мерки № 19/V лежит в деле с действием исполненным; план мерил рулеткой — ворованной и подрезанной, № 23/V, она под запретом как мера и в деле как показание. Правило второе: перевод шага в метры — отдельная строка, и переводчик у строки свой. Правило третье — главное: обмер не ищет двери. Обмер проверяет лист. Двери он находит сам — или находит их отсутствие, что показательнее.

Состав в субботу встал полный. Кеша — шаги: его шаг поверенный, семьдесят четыре сантиметра, поверял его ещё отец, той же рейсшиной, которой потом правил план. Гвоздева — протокол, рука у неё быстрая, а почерк при этом ровный, и это сочетание встречается реже, чем честные резолюции. Ветров — на вахте, с часами и списком подвальных звуков: список пока пуст, но пустой список — это тоже документ, если он ведётся. Вера Степановна — инспектор по нюху: коза идёт по объекту раньше протокола. Бабушка — переводчик: «перевожу, как поняла. У меня вкус». И Стёпа — слушатель. Стипендии у него нет сорок восемь лет, а уши те же, и за субботу они работали по тарифу, который, между нами, в графах не значится.

Очередь пришла в семь — на свидетельство, не на обмер. Обмер в нашем районе — событие процессуальное: то, чем мерят, потом цитируют как правду. Шестьдесят два человека стояли молча. Очередь принимает бывших начальников молча, а обмеры — тем более: слова при обмере — это уже вмешательство в меру.

Утро субботы началось с поверки — не листа, не шнура: шага. Кеша прошёл мерную дорожку от калитки до крыльца — десять раз туда, десять обратно, — и Гвоздева записала итог: семьдесят четыре сантиметра, сходимость полная. Поверка перед обмером — это не формальность. Это присяга меры: шаг, который не поверен накануне работы, не имеет права идти в протокол, потому что протокол цитируют годы, а шаг, который съехал на полсантиметра, — это уже не мера, а мнение.

Роспись состава провела вслух, при очереди — очередь имеет право слышать, кто за что отвечает на её глазах. Кеша — шаги. Гвоздева — протокол. Стёпа — слушатель. Ветров — вахта и часы. Вера Степановна — нюх. Бабушка — перевод. Я — графы. Семь ролей, семь имён, ни одной вакансии. Очередь выслушала роспись молча и подтвердила её тем, как перестроилась: ближе к ступеням встали те, у кого в этом подвале были свои двери, дальше — те, кто пришёл свидетельствовать не за себя. Очередь умеет распределяться по чужому регламенту быстрее любого штата — у неё для этого сорок восемь лет практики.

Нина принесла чай — и не разлила. Регламент её гласил: чай до обмера не подаётся, только после. Чай до обмера успокаивает руку, а спокойная рука при обмере — это, скажем прямо, испорченный инструмент: рука должна помнить, что мера — событие. Нина поставила термос на прилавок дном вверх — знак, что чай будет после. Так, между нами, ставят не посуду — обещание.

Шнур вынесли из ящика следствия в последний момент — мера не должна лежать на свежем воздухе дольше необходимого: шнур, полежавший на солнце, вытягивается по волокну, и вытянувшийся шнур врёт до сантиметра. Тетрадь Кеши открыли на новой странице; графа для шагов писалась снизу вверх — привычка травяного счёта, которая теперь стала и привычкой протокола: Гвоздева смирилась и ведёт страницы в обратном порядке. Фонари зарядили с запасом — подвал темнеет не по часам, а по настроению стены, а настроение стены мы в тот день ещё не знали.

Инструкцию для очереди читала бабушка — у неё голос стоит дороже, и очередь различает его с третьего ряда:

— Мы мерим стену. Стена молчит, пока молчим мы. Кто громко кашлянет у шва — тот перебил замер, и замер пойдёт заново. Обмер, прерванный голосом, идёт по второму кругу — с первого шага.

И последнее, что я сказала очереди перед входом:

— Обмер — это не поиск дверей. Обмер — это проверка листа. Двери, если они есть, найдутся сами: они давно ждут, когда их посчитают.

От третьего выхода вниз шли по строке. Одиннадцать дверей по обходу Кораблёва — на плане четыре. Кеша шёл первым и считал вслух, но не числа — ногу: «правая, левая, правая». На двадцать первом шаге он остановился сам, без команды. Я спросила, почему. Он сказал:

— Здесь кончается строка, капитан. Дальше строка есть, а я её не слышу. Пока не слышу — не иду.

Это, между нами, единственный аргумент в следствии, который нельзя перебить реестром: стоп, поставленный шагом, — это стоп, поставленный мерой.

Шнур протянули от первой двери до точки, где Кеша остановился. Гвоздева сняла число: пятнадцать метров семьдесят два сантиметра. Отступили на полшага — снова замер, снова то же число. Шнур читается дважды, а вносится однажды; вносим то, что сошлось.

Дальше — план. По листу длина этой же стены — девять метров ровно. Гвоздева вычла. Расхождение — шесть метров семьдесят два сантиметра. Я смотрела на число, пока оно не назвало себя само: шесть целых семьдесят две сотых — это семь раз по девяносто шесть сантиметров. Ширина дверного проёма — девяносто шесть. Семь дверей. Не «вроде бы», не «примерно» — ровно семь, до сантиметра, потому что план не умел считать криво: он умел считать не всё.

— Это не ошибка масштаба, — сказала Гвоздева. — Это вычитание.

— Это не вычитание, — сказала я. — Это отсутствие, которому дали масштаб.

И тут стена начала отвечать. Не словом — швом. Я шла вдоль стены с фонарём, и на шестнадцатом метре от первой двери шов повернул вверх: вертикально, до перемычки, ровно, как отчёркивают. Дальше — через девяносто шесть — второй. Потом третий. Семь вертикальных швов, одинаковых до сантиметра, через равное.

Шаг «через равное», Сергей. Тот самый: у дворника Аркадия — по колодцу, у школы Аркадьевичей — по графам, теперь у стены — по дверям. Равное — это не совпадение. Это подпись школой.

Кеша постучал костяшками. Четыре участка — те, что на плане, — прозвучали дверью: гулкий проём, за ним объём. Семь участков между ними прозвучали стеной — но стеной с несогласием: внутри глухо, а по шву звук обходит. Стена не умеет лгать — она умеет наложить слой, и слой мы как раз рассматриваем.

Вера Степановна прошла вдоль швов, нюхая слои, и легла у пятого шва — со стороны внутренней. Ошибку козы, между нами, система не распознаёт, но и следствие не знает, что коза сказала: коза не говорит — коза легла. Легла у пятого — значит, пятый шов, между нами, значимей остальных, и порядок швов стал порядком значимости. Внесла в протокол позицию: «коза выбрала пятый. Основание — её».

После козы я вернулась к стене с фонарём и прошлась по всем семи швам по одному — не потому, что не верила глазам: потому что глаз при обмере — свидетель, а не судья. Шнур лежал вдоль стены, и я двигалась по нему, как по линейке: шов первый — вертикаль, до перемычки, ровно; шов второй — то же; шов третий — то же. На четвёртом шве я заметила то, чего не видно издали: кромка шва у самого пола чуть шире — на полтора миллиметра. Не ошибка стены. Разница накладки: последний слой штукатурки здесь вели не с той же руки, и рука держала шпатель иначе — с нажимом внизу.

Гвоздева записывала глубину за глубиной. Заделку мерили щупом — на глубину забивания: четыре сантиметра на первых четырёх швах, шесть — на пятом, шесть — на шестом и седьмом. Разница глубин — это разница работ: четыре шва заделывали слоем, три — доложили вторым. Кто-то вернулся к трём швам позже и докладывал. Не потому, что заделал плохо — потому что хотел толще: тонкий слой слышит звук объёма изнутри, толстый держит молчание.

— Значит, три шва заделывали дважды, — сказала Гвоздева.

— Значит, три шва были важнее четырёх, — сказала я. — Не в порядке дверей — в порядке молчания. Первый слой держит стену. Второй держит тишину.

Кеша прошёл простуч полный — по всем одиннадцати участкам подряд, без пауз, с равным усилием: простуч с паузой ловит не стену, а настроение руки. Четыре открытых прозвучали объёмом — гулким, честным, до дна. Семь заделанных — слоем. Но на пятом слой прозвучал короче: не до конца. Внутри пятого шва, за слоем толщиной в шесть сантиметров, звук обходит пустоту — и пустота эта не ошибка заделки: это оставленный объём. Кто-то, заделывая пятый шов, оставил за слоем пространство — не для входа: для того, что потом туда вернут.

— Пятый шов, — сказала я и записала в протокол позицию: «пятый шов — заделка двойная, за вторым слоем объём; основание — звук».

Стёпа стоял рядом и слушал пятый шов дольше всех. Потом сказал то, что я вношу дословно:

— Пятый держит не стену. Пятый держит порядок. За ним — середина. В середине, капитан, не прячут: в середине хранят.

Я не стала спорить вслух — не потому, что согласилась сразу, а потому, что спорить со Стёпой при очереди — значит учить очередь спорить с показанием, а очередь этого не заслуживает. В протокол легла строка: «слух: пятый — середина; хранение, не сокрытие».

— Кто заделывал? — спросила Гвоздева.

— Тот, у кого был доступ, — сказала я. — И инструмент. И право ходить в подвал в ночное время. Это не следователь и не приезжий: это свой. Смена, которая оставалась в подвале после конца дня, — она и заделывала. И, если следовать логике заделки, она же и ставила таблички: снаружи — «Посторонним не волноваться», внутри — вторую, которую мы ещё не прочли.

Гвоздева поставила последний вопрос перед трубой:

— Заделку должны были оформлять. Акт. Кто подписывал?

— Акт заделки в фонде есть, если его не сожгли, — сказала я. — Но подпись под актом заделки — то же ведомство, что подпись под планом: оба документа про отсутствие. А отсутствие, которое оформили дважды — на листе и в акте, — это уже не промах работника. Это программа.

— Программа чего?

— Программа, по которой дом уменьшали не на бумаге, а в голове, а бумагу правили потом — под голову. И правили не в спешке: штамп ставили, графу держали пустой, таблички заказывали с тем же шагом крепежа. Спешка не умеет быть аккуратной, Гвоздева. Аккуратность здесь — это подпись специалиста.

В одиннадцать сорок семь труба над райцентром скрипнула — на «до». Шнур в эту минуту лежал на пятом шве. Я записала время; Гвоздева записала своё; Ветров с вахты записал своё — по своим часам. Три независимых источника одного момента — это уже не направление. Это подтверждение: «до» прозвучало над тем, к чему лежит шнур.

Стёпа стоял у стены и слушал. Потом сказал то, что я вношу дословно:

— Стена считает с седьмой. Она сбилась на четыре и продолжает с седьмой. Стена не умеет сбиваться, капитан. Значит, сбивали её.

Он, между нами, единственный в очереди, кто слышит счёт, а не числа, — и потому его показание стоит дороже расчёта: расчёт говорит «сколько», счёт говорит «с какого места».

После обмера — чай. По регламенту Нины: «чай пьёшь медленно — пока пьёшь, не подписываешь». Подписывать было пока нечего: обмер без руки не завершён. И здесь настал вопрос субботы — чья рука с рейсшиной.

Кеша — нет: он считает, а чертить не умеет, и смешивать его стаж с графами следствия — значит портить оба ведомства. Нина — нет: черчение не в её графике, а график у неё крепче устава. Тумин — нет: рука после сорока восьми лет ровного письма дрожит, и дрожь на плане девяностого сделает новый лист подозрительно похожим на старый. Я — нет: моя рука — рука следствия, а кульман отвечает на черчение учёта; следствие не чертит, следствие фиксирует.

— Рука найдётся, — сказала бабушка и размешала чай. — У вещи, которая молчит сорок лет, спрос — большой. Спросят не «черти», спросят «черти как тогда». Вот тогда и найдётся.

— А если не найдётся? — спросила Гвоздева.

— Найдётся, — сказала бабушка. — Нужда, дочка, в штате тоже не числится, а назначает чаще всех. Это не моя мысль — это мысль третьего этажа, и она там уже работает.

Смена закрылась строкой: обмер до седьмой двери завершён, строка с восьмой по одиннадцатую — открыта, суббота кончилась, а кончать строку раньше её конца нельзя — это не оптимизация, это подлог. Копию плана подшили к делу с пометкой «сверено с мерой, разногласие — шесть семьдесят два». Оригинал лёг в багажник: багажник с пассажиром дышал ровнее, чем с пустотой, — пассажир у него теперь свой, листовой.

Нить не тронута. Дверь не открывалась. Дата в графе «примечания» не проверялась — графу смотрели один раз, в понедельник, и хватит: пустую графу нельзя читать чаще, чем она позволяет, — она ждёт не взгляда, а руки.

Домой шли те же сорок минут. Трава вдоль дороги промолчала весь путь — впервые за шесть книг. Я не внесла молчание в реестр отдельной строкой, а стоило: трава молчит не по регламенту, а по уважению. Обмер прошёл так, что улица сняла гонорар.

ДОКУМЕНТ № 2/VI

Наименование: Акт обмера стены подвала ПЧ-9 по строке «первая — седьмая дверь», составленный следствием: двадцать один шаг по живой мерке, пятнадцать метров семьдесят два сантиметра по шнуру, девять метров ноль по плану, расхождение шесть метров семьдесят два сантиметра

Ответ: расхождение разложено без остатка — семь дверных проёмов по девяносто шесть сантиметров; шаг «через равное» воспроизведён стеной, а не расчётом

Связка: акт живой мерки № 19/V (исполнен), шнур отцовский (мера следственная, поверена), план первый экземпляр № 1/VI, труба «до» в одиннадцать сорок семь — три источника времени

Статус: Зарегистрировано. Впервые в серии мера следствия стала длиннее меры плана. План отнял у дома семь дверей — и оставил им ширину.

УЛИКА № 2/VI

Предмет: Семь заделанных дверных проёмов в стене подвала ПЧ-9: кирпич вторым счётом, штукатурка вторым слоем, швы через девяносто шесть сантиметров; у каждого шва — четыре отверстия от крепежа таблички с шагом крепежа указателя «Посторонним не волноваться»

Место/Способ: Стена подвала, метры шестнадцать — двадцать два по шнуру; вскрытие не производилось — шов показывает сам

Связка: шаг «через равное» (школа Аркадьевичей); указатель на Столбово (тот же шаг крепежа); расхождение плана 6,72 м; коза — пятый шов; труба «до»

Статус: Зарегистрировано. Таблички вешали не на двери — таблички вешали на отсутствие дверей. Указатель «Посторонним не волноваться» — это серия, а не экземпляр.

РЕЕСТР ГЛАВЫ ВТОРОЙ

Улика → Что это даёт → Важность → Проверка → Вывод → Действие

Акт обмера № 2/VI → расхождение плана 6,72 м = семь дверей ровно → Высшая: число — не оценка, а разложение без остатка → Домерить строку с восьмой по одиннадцатую в следующую субботу → План уменьшал дом не на глаз, а по разряду → Запросить в БТИ порядок округления девяностого года

Семь заделанных проёмов → у дома остались швы от того, что сняли → Высшая: стена хранит то, чего нет → Простучать все семь и сверить глубину заделки → Заделка — вторая редакция дома, датированная позже стройки → Искать акт заделки: кто подписывал работу по отсутствию

Отверстия от табличек → шаг крепежа тот же, что у указателя → Высокая: таблички одного заказа → Сверить разметку отверстий с указателем на Столбово → «Посторонним не волноваться» висело на семи дверях одновременно → Открыть учёт табличек серии: сколько было, куда делись

Коза и пятый шов → порядок значимости задан выбором козы → Высокая: ошибку козы система не распознаёт → Вернуться к пятому шву отдельно, с фонарём и протоколом → Пятый шов — центр семёрки: три до него, три после → Обмер пятого шва назначить первым

Труба «до» в 11:47 → три независимых источника времени → Высокая: подтверждение, а не направление → Сверить с картой нот Кораблёва → «До» над тем, к чему лежит шнур → Вести реестр нот дальше

Рука с рейсшиной → вопрос открыт, кандидаты сняты → Высшая: кульман отвечает только на черчение → Ждать ответа штатной истории по почте; сверить руку с дрожью Тумина → Рука одна на два ведомства — или её нет вовсе → Назначить на третий этаж вторую явку

Строка с восьмой по одиннадцатую → обмер не завершён по правилам строки → Средняя: суббота не кончается на строке → Закрыть строку в следующую субботу → Остальные двери ждут шнур в порядке очереди → Внести субботу в график следствия

Реестр открыт. Статус — сверено.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой явка состоялась по регламенту этажей, журнал читался стоя, а строка, написанная снизу вверх, впервые легла в реестр следствия

Среду, Сергей, я помню по трём предметам: опись, отказ и букву «А».

Опись — та, что на третьем этаже лежит с пометкой «выдача — по явке»: за неё вторая явка и была. Отказ — девяностого года, найденный на втором: система отказала в обмере раньше, чем следствие пришло мерить, и отказ, между нами, старше нашего следствия на тридцать шесть лет. Буква — «А.», с нажимом, пробивающим бумагу насквозь: она вернулась через журнал выдач, а возвращение руки — это не повторение улики, это её ход.

Начать надо с регламента. «Спускаться разрешено только вверх» — в понедельник эта фраза звучала у Зои Фёдоровны загадкой, а в среду оказалась инструкцией: идти положено с

первого этажа. Сначала то, что не выдаётся, потом то, что отказывает, и лишь затем то, что выдаёт. Порядок лестницы, между нами, — это порядок следствия, у которого сняли спешку.

Состав вышел втроём. Я — по графам. Бабушка — переводчик: «перевожу, как поняла. У меня вкус». Вера Степановна — инспектор по нюху: фонды проверяются нюхом до того, как их открывают, — правило ввезено из подвала целиком. Кеша остался на строке: строка с восьмой по одиннадцатую стоит открытой, а открытую строку без охраны не оставляют — с ним на вахте Ветров, и его список подвальных звуков за сутки не опустел. Пустой список, между нами, — тоже показание: звуки молчат, пока следствие не подошло к стене со шнуром.

Фонд в среду мы вошли не с порога третьего этажа — с порога первого. Регламент требует проходить этажи по порядку: то, что не выдаётся, потом то, что отказывает, и лишь затем то, что выдаёт. Порядок этот выглядит как лестница, а работает как маршрут следствия: сначала посмотреть, что прячут, потом — в чём отказывают, и только в конце — что дают. Система думает, что прячет внизу самое важное. Система ошибается: внизу хранится не главное — внизу хранится то, о чём забыли. А забытое в фонде — единственное, что не подвергали правке: правят то, что помнят.

Вера Степановна вошла первой и проверила порог нюхом — до того, как на него встала нога. Порог прошёл проверку. Потом прошла по первому залу вдоль полок — и я шла следом по её маршруту, потому что маршрут козы на первом этаже фонда — это карта, составленная носом, а карта носа в фондах точнее карты описей: опись перечисляет то, что должны были сдать. Нос различает то, что сдалось.

Полки стояли в два ряда — узкие, до потолка, с переплётами в завязках. Завязки на переплётах завязывали бантом, не узлом: узел говорит «не трогать», бант говорит «можно развязать, если помнишь зачем». Зоя Фёдоровна проводила нас между полками и комментировала не описи — привычки:

— Этот ряд — переписка девяностого. Не выдаётся. Читать можно. Сидеть нельзя.

— А если читатель устал?

— Пусть стоит, дочка. Стоячий читатель читает быстрее: нога подгоняет глаза.

Это прозвучало шуткой, но я внесла в протокол как регламент: скорость чтения на первом этаже фонда задана не библиотечным правилом, а физиологией. Система, которая выучила свои недостатки, прячет их не в сейфах — в неудобствах: неудобство для читателя и есть замок первого этажа.

Полки первого этажа я просчитала глазами на бегу: около сорока переплётов за девяностый год. Не в каждом лежит происшествие, но происшествие девяностого обязано лежать в одном из них: год был тот самый — год правки плана, год отзыва стипендий, год, когда система впервые в нашей истории начала писать строки снизу вверх, чтобы их не прочли.

Кеша и Ветров остались на ПЧ-9 — строка с восьмой по одиннадцатую стоит открытой, а открытую строку не оставляют без охраны. Ветров за сутки вписал в свой список подвальных звуков две строки: «скрип на седьмой двери — раз» и «скрип на седьмой двери — снова». Скрип — не звук вскрытия: это звук присутствия. Что-то за седьмой дверью в ночные часы присутствует и не выходит. Я вписала оба скрипа в реестр с обещанием разобраться после обмера: присутствие, которое не выходит, в нашем районе честнее того, что выходит.

Первый этаж встретил запахом бумаги, которую не берёт моль. Полки стояли в два ряда, описи — в переплётах с завязками, и всё это, по словам Зои Фёдоровны, не выдаётся.

— Как же читать то, что не выдаётся? — спросила я.

— Стоя, — сказала она. — Не выдаётся — не значит не читается. Не выдаётся — значит не выносится. Читают стоя. Сидеть на первом этаже не положено: сядешь — засидишься, а засидевшийся читатель, между нами, начинает требовать.

Это, Сергей, был первый в серии регламент, запрещающий не чтение, а удобство. Я внесла его отдельной строкой.

Вера Степановна прошла вдоль полок, нюхая переплёты, и легла у журнала выдач девяностого года — со стороны внутренней. Коза выбрала журнал, а не папку: коза легает не у бумаг — у процессов.

Журнал поставили на стол — не вынесли из зала. Правило стоя перешло в правило стола: стол стоит, значит, читать положено стоя. Я открыла март девяностого. Строки шли сверху вниз, даты по порядку, и на пятнадцатой строке стояло: «План здания ПЧ-9. Экземпляр первый. Выдано под обмер».

— Кому выдано? — спросила я.

— Смотрите графу, — сказала Зоя Фёдоровна.

В графе «Принял» стояла одна буква — «А.», от руки, с нажимом, пробивающим бумагу насквозь. Эту букву я видела тринадцать раз — на тринадцати личных делах с визой «Получатель: не назначен», — но там «А.» стояла у тех, кого система не решилась выдать. Здесь «А.» стояла у того, кому система выдала план. Одна буква на двух сторонах выдачи — это, между нами, не совпадение: это почерк, у которого два ведомства и один надзор — за тем, что отдаёт, и за тем, что получает.

— А где строка о втором экземпляре? — спросила я.

— Ниже, — сказала Зоя Фёдоровна.

Ниже — в марте девяностого — строк не было. Записи кончались в феврале и возобновлялись в мае, а март стоял пустым на треть страницы. И в этой пустоте, у нижнего края, шла запись. Запись шла снизу вверх: буквы правильные, порядок обратный. Я читала сверху вниз — и читала бессмыслицу; бабушка наклонила голову, прочла снизу — и прочла фразу.

— Переведите, — попросила я.

— Перевожу, как поняла. У меня вкус, — сказала бабушка и прочла: — «Обмеру подлежит всё, кроме травы».

Строка снизу вверх — на мартовской пустоте. Травяной счёт пишет снизу вверх, и система его не прочтёт никогда: графы системы идут сверху вниз. Значит, тот, кто писал эту строку в девяностом, знал, что пишет в журнал, который его не прочтёт, — и знал это не как уловку, а как родную грамматику. Умение читать снизу вверх, между нами, в районе числится за одним счётом — за травяным.

Второй этаж выдали по регламенту: сначала отказы, потом выдачи. Отказы лежали в книгах — не в папках: отказ — вещь процессуальная, а процессуальное хранят в переплёте. Вера Степановна легла у книги отказов девяностого — у того же переплёта, что и в первый раз: коза повторяет выбор, а повтор выбора — это уже не нюх, это маршрут.

Книга отказов открылась на апреле. Отказ я нашла сразу — он выделялся плотностью: «В обмере здания ПЧ-9 в объёме одиннадцати дверей — отказать. Обмеру подлежит фактическое наличие». В графе «Основание» стояло: «число дверей, отличное от планового, следствием не установлено».

— Стоп, — сказала я. — Кто-то запрашивал обмер одиннадцати дверей в девяностом?

— Запрашивали, — сказала Зоя Фёдоровна. — Отказано. Больше в книге нет.

— А кто запрашивал?

— В графе «Заявитель» не читается, — сказала она. — Чернила съел не моль. Моль не берёт то, что хранит память. Чернила съела вода.

Вода в этот месяц шла по райцентру дождём, а вода — провод: она слушала сад всю ночь. Съесть имя заявителя — это не порча документа: это перенос показания в другой фонд. Поиск заявителя девяностого вношу отдельной строкой: тот, кто просил одиннадцать дверей, знал о них за тридцать шесть лет до шнура.

В графе «Примечания» отказа — приписка от руки, снизу вверх, тем же ровным почерком. Бабушка прочла:

— «Мера есть. Плана нет».

— Это про что? — спросила я.

— Это про ваш запрос, дочка, — сказала бабушка. — Мера в девяностом была: одиннадцать дверей мерили и знали чем. А плана в одиннадцать дверей не сделали. Не «не успели» — план не рисуют за один вечер по живой мерке. План рисуют по другому плану.

Третий этаж принял последним — как и положено: вверх поднимаются, а не спускаются. У окна стоял кульман. Я подошла, положила рядом копию акта обмера. Кульман промолчал.

— Молчит по регламенту, — сказала Зоя Фёдоровна. — Черчения нет.

— А если попросить?

— Просить не положено. Он отвечает на черчение, а не на просьбу. Умение просить у него отнято вместе со штатом.

Бабушка посмотрела на кульман снизу вверх — так, как смотрят на вещи, которые стоят выше головы, — и сказала не мне, а ему:

— Вещь, которая молчит сорок лет, копит не обиду — материал. Суббота покажет.

Перед трубой было десять минут ожидания — Зоя Фёдоровна оформляла заявление по форме, а форма у неё работала не быстрее регламента: регламент быстрее не бывает. Мы стояли у третьего этажа и не имели права спускаться раньше времени — спуск по регламенту разрешён только вверх, и подъём наш уже был исполнен: мы прошли первый, второй, третий — и теперь ждали не бумаги, а срока, который положен бумаге.

Бабушка вернулась к журналу выдач — стоя, по регламенту первого этажа, хотя журнал теперь лежал не на первом. Читала мартовскую пустоту — не запись: пустоту. Потом наклонилась и сказала мне тихо:

— Вода, дочка, съела не имя. Вода съела строку, на которой имя стояло, — а имена в нашем районе не живут в графах. Имя живёт в очереди: если заявитель девяностого жив — он в очереди. Если мёртв — он в переписке. Если подписал отказ — он в фонде. Три адреса, дочка. Четвёртый искать не надо.

— А если он подписал отказ по приказу?

— Тогда он в очереди дважды, — сказала бабушка. — Как подписавший и как жертвующий. Такое в нашем районе бывает: система подписывается дважды, а стоит один раз.

Вера Степановна в это время легла у книги отказов — во второй раз за день, и легла не у апрельского переплёта: у переплёта мартовского. Показание я внесла с осторожностью: коза повторила маршрут, но сменила месяц. Март — месяц выдачи плана. Апрель — месяц отказа. Коза легает у процессов, а не у бумаг, и процесс мартовский у неё значимей: выдача — это тот момент, когда план покинул фонд и поехал делать вид, что дверей четыре.

Заявление о явке я заполняла по графам — медленно, как пишут под диктовку регламента: графа «цель» — сверка экземпляров; графа «срок» — по закрытии строки обмера; графа «рука» — доказанная черчением. Последнюю графу я вписала с осторожностью: «рука, которая докажет масштаб», — не имя. Имя в графе «рука» поставит кандидата раньше его явки, а кандидат в нашем районе назначается не бумагой — нуждой. Нужда, как известно, в штате не числится, а назначает чаще всех.

Труба над райцентром скрипнула — на «до». Я записала время: четырнадцать ноль-девять. Скрипнула в ту минуту, когда я положила на стол заявление о явке, — и это направление, а не доказательство — но направления у нас теперь счёт ведут.

Заявление о явке Зоя Фёдоровна прочла, подписала и сказала то, что я вношу дословно:

— Явка — это не приход, дочка. Приход — это когда пришли. Явка — это когда вас записали как пришедших. Приходят в гости. По явке идут в фонд.

— А когда выдача?

— По закрытии строки обмера. Лист ждёт той руки, которая докажет масштаб. Масштаб доказывается не словами — сантиметрами.

Домой шли те же сорок минут. Трава вдоль дороги промолчала и в среду — два молчания подряд, а два молчания уже не уважение: это выжидание. Скоро трава заговорит, и заговорит она о субботе. Гриша на почте принял у меня расписку о принятом заявлении и внёс её в реестр почты — обратный адрес теперь у явки тоже есть. Ответ штатной истории ещё в пути: бумага ездит — герои стоят, и стоят они ровнее, чем ездит любая почта системы.

Вечером внесла в график: суббота — закрытие строки с восьмой по одиннадцатую; вторая суббота — явка за вторым экземпляром. Нить не тронута. Дверь не открывалась. Графа «примечания» второго экземпляра не читалась — она ждёт руки, а не глаза.

УЛИКА № 3/VI

Предмет: Журнал выдач первого этажа фонда БТИ, страница марта девяностого: пустота на треть страницы, у нижнего края — запись снизу вверх («Обмеру подлежит всё, кроме травы»); в графе «Принял» строки о выдаче первого экземпляра — виза «А.» с нажимом, пробивающим бумагу насквозь

Место/Способ: Первый этаж, читается стоя; коза легла у журнала со стороны внутренней; строка прочтена бабушкой снизу

Связка: виза «А.» на тринадцати личных делах (улика № 45/III); травяной счёт как грамматика; ровный почерк № 102

Статус: Зарегистрировано. Одна буква на двух сторонах выдачи. Рука, которая отдаёт, и рука, которая принимает, — одна, и пишет она в журнал так, чтобы журнал её не выдал.

УЛИКА № 4/VI

Предмет: Отказ в обмере здания ПЧ-9 в объёме одиннадцати дверей, книга отказов, апрель девяностого: «отказать. Обмеру подлежит фактическое наличие»; графа «Заявитель» не читается — чернила съедены водой; графа «Примечания» — приписка снизу вверх: «Мера есть. Плана нет»

Место/Способ: Второй этаж, переплёт отказов; коза легла у книги повторно — маршрут, а не нюх

Связка: одиннадцать дверей по обходу Кораблёва; живая мерка № 19/V; график дождей райцентра

Статус: Зарегистрировано. Отказ старше следствия на тридцать шесть лет — и написан так, будто ждал шнура. Заявитель знал о дверях тогда. Съеденная строка — не потеря: это перенос.

ДОКУМЕНТ № 3/VI

Наименование: Заявление о явке за вторым экземпляром плана здания ПЧ-9 по регламенту выдачи «по явке», поданное следствием на третьем этаже фонда БТИ

Ответ: зарегистрировано строкой Зои Фёдоровны — «Явка состоялась. Выдача — по закрытии строки обмера». Впервые в серии резолюция фонда написана рукой, а не машинкой

Связка: журнал выдач (строка марта девяностого: «Экземпляр первый. Выдано под обмер»), регламент этажей, отказ № 4/VI

Статус: Зарегистрировано. Следствие впервые стало строкой в чужом журнале. Приходят в гости — по явке идут в фонд.

РЕЕСТР ГЛАВЫ ТРЕТЬЕЙ

Улика → Что это даёт → Важность → Проверка → Вывод → Действие

Строка снизу вверх → в девяностом работал человек травяной грамматики → Высшая: грамматику снизу вверх в районе знает один счёт → Сверить наклон строк со счётом травы над подвалом → Рука из девяностого — рука из очереди → Читать фонды вторым проходом снизу вверх

Виза «А.» в журнале выдач → одна буква на двух сторонах → Высшая: почерк один — ведомства два → Сверить нажим с тринадцатью личными делами → Рука ведёт и приём, и выдачу → Завести дело почерка отдельной строкой

Отказ девяностого → система знала об одиннадцати дверях и отказала заранее → Высшая: отказ в обмере — признание мерки → Искать заявителя по книгам, а не по графам → Заявитель знал двери до шнура → Запросить показания воды: где слушала дождь

«Мера есть. Плана нет» → план девяностого писали не по обмеру → Высокая: план — перевод, а не измерение → Сверить первый экземпляр с будущим актом заделки → План копировал отсутствие → Искать бумагу-источник: по чему чертили

Регламент этажей → порядок чтения фонда равен порядку следствия → Средняя: лестница — регламент → Соблюдать порядок на каждой явке → Фонд читается сверху вниз, и потому система не видит того, что писалось снизу → Вести явки по строкам

Выдача по закрытии строки → второй экземпляр ждёт субботы → Высокая: регламент ставит явку в очередь → Закрыть строку с восьмой по одиннадцатую → Лист получит рука, доказавшая масштаб → Назначить явку на вторую субботу

Реестр открыт. Статус — сверено.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, в которой строка с восьмой по одиннадцатую закрылась, трава выставила счёт за молчание, а почта принесла ответ, написанный не штатной рукой

Субботу, Сергей, я помню по трём предметам: шнур, рейсшина и конверт.

Шнур — потому что он в этот день прошёл стену от первой двери до одиннадцатой и замкнул строку, открытую неделю. Рейсшина — потому что она впервые за сорок восемь лет легла на план и совпала с ним: вещь, которой поверяли шаг, оказалась вещью того же ведомства, что и план, и это, между нами, самое неудобное совпадение серии. Конверт — потому что почта системы впервые в нашей практике привезла ответ раньше нормы: на третий день, а не на третий месяц, — и быстрота эта была не любезность, а показание.

Начать надо с утра, потому что утром заговорила трава. После двух дней молчания — молчания, которое я в реестр так и не внесла отдельной строкой, — трава встала в восемь нольноль и закричала в полную силу, с гоготом и с прейскурантом:

— Обед! Гонорар за молчание! Два дня — два обеда! Предоплата!

Я вышла на крыльцо. Гвоздева — за мной. Трава продолжала:

— Молчание оплачивается по тарифу тишины! Тишина — это работа! Я два дня работала!

— В чём заключалась работа? — спросила я.

— В том, что я молчала, когда вы мерили! — крикнула трава. — Замер — это тоже событие! Улица обязана была его не перебить! Перебитый замер недействителен — вы сами это знаете, у вас в регламенте написано!

В регламенте этого, разумеется, не было. Но трава давно поняла главный принцип следствия: если регламента нет, его можно процитировать со ссылкой на отсутствие — «страница четырнадцатая, пункт девять» — и звучать убедительнее, чем любой пункт. Я внесла показание: трава объявила своё молчание работой по обмеру и требует двойного гонорара. Гонорар назначен: два обеда, предоплату трава взяла вперёд — «за то, что наводку дала, а срабатывание — это ваша работа». Срабатывание, между нами, в этот день произошло, но не то, которого ждала трава.

Очередь пришла в семь — на свидетельство. Пятьдесят восемь человек: четверо отсеялись по уважительной невозможности, очередь приняла их отсутствие молча, потому что очередь различает невозможность и неуважение — неуважение она бы не простила. Вера Степановна заняла позицию у входа в подвал и проверила лестницу нюхом до того, как по ней пошли люди. Ступени прошли проверку.

Подготовка к закрытию строки заняла полчаса — и полчаса эти были не потеря, а дисциплина: закрывать строку в спешке всё равно что подписывать протокол в прыжке. Шнур лежал вдоль стены с прошлой субботы — я велела его не убирать: мера, которая осталась на месте, —

это мера, которую проверяют без перерыва. За неделю шнур не сместился ни на миллиметр — Ветров проверял его ежедневно и записывал в список подвальных звуков отдельной строкой: «шнур на месте». Список Ветрова за неделю оброс не звуками — присутствиями: скрип на седьмой двери повторялся каждую ночь, в одно и то же время, около двух. Я внесла скрипы в реестр как постоянное показание: за седьмой дверью кто-то есть — и этот кто-то присутствует по расписанию.

Тетрадь Кеши открыли на строке, закрытой в прошлую субботу: семь шагов, пятнадцать метров семьдесят два. Кеша вписал заголовок сверху — не снизу: «Закрытие строки». Он умеет писать в обе стороны — это, скажем прямо, редкое умение в нашем районе: травяной счёт пишет снизу вверх, система — сверху вниз, а Кеша — туда и сюда. Я вписала его двустороннее письмо в реестр как навык следствия.

Очередь выстроилась по регламенту обмера: ближе к ступеням — семьи, у которых в подвале свои двери; дальше — свидетельствующие. Пятьдесят восемь человек. Тишина на обмере держалась не командой — уважением: очередь понимает, что стена считает голос, и голос при обмере — вмешательство в меру.

Я распределила замеры по участкам — не по плану, по строке: от седьмой до одиннадцатой, шаг за шагом, с фиксацией каждого шва. Порядок — от седьмой: начинать с той двери, на которой остановились, — это продолжать разговор, а не начинать новый. Стена не любит, когда её спрашивают с середины: она считает с первой. Поэтому я скорректировала порядок на ходу: замер идёт от первой двери — по всей строке, без пропусков, — и только потом по участкам. Стена, которую ведут с первой двери, отвечает охотнее.

Нина разлила чай после — по регламенту: медленно. Пока чай наливали, Кеша расписал порядок шагов на листе — теми же отметками, что в тетради, только крупнее: отметка, шаг, отметка. Лист лег на прилавок — и превратился в расписание для всех: очередь смотрела на лист и понимала, где сейчас будет стоять мера.

Состав встал тот же, что и в прошлую субботу: Кеша — шаги, Гвоздева — протокол, Стёпа — слушатель, я — графы. Ветров на вахте, Вера Степановна — инспектор, бабушка — переводчик: «перевожу, как поняла. У меня вкус». Нина пришла с чаем — регламент её гласил: «чай пьёшь медленно — пока пьёшь, не подписываешь», и она единственная из всех нас пришла с инструментом завершения.

Строку с восьмой по одиннадцатую мерили тем же порядком, что и первую: шагами по живой мерке, шнуром по шнуру, планом — против плана. Кеша шёл первым и считал ногу: «правая, левая». На том месте, где по прошлому обмеру кончалась седьмая дверь, он не остановился — строка, между нами, теперь была озвучена, и строку, которую объявили, шаг обязан пройти до конца. Он дошёл до девятой, дошёл до десятой — и остановился на одиннадцатой сам, без команды, за полшага до неё.

— Здесь не иду, — сказал он. — Там нить. Нить не дёргана — значит, до неё строка не дошла. Я дохожу до строки. Строка до нити не доходит.

Это, между нами, самая точная формулировка замка, которую я слышала за шесть книг: нить не закрыта для строки — строка закрыта для нити. Я внесла позицию: шаг остановлен за полшага до одиннадцатой двери; одиннадцатая — заперта обратно; нить не дёргана; дверь не открывалась; замок соблюдён полностью.

Шнур протянули до точки останова. Гвоздева сняла число: девять метров двадцать четыре сантиметра. Отступили на полшага — снова то же число. По плану этот же участок — пять метров сорок сантиметров. Расхождение — три метра восемьдесят четыре сантиметра. И оно, Сергей, разложилось без остатка: четыре раза по девяносто шесть. Четыре двери — ровно те, что стоят в плане.

— Значит, — сказала Гвоздева, — план на этом участке не врал?

— План на этом участке рассказывал только правду, — сказала я. — В том и работа нечестного листа: он делит правду по участкам. На одном участке — четыре двери, на другом — семь. Каждая цифра честная. Лист нечестный.

Полная стена сошлась так: по шнуру — двадцать четыре метра девяносто шесть сантиметров, по плану — четырнадцать метров сорок. Расхождение — десять метров пятьдесят шесть сантиметров. Одиннадцать раз по девяносто шесть. Одиннадцать дверей. Обход Кораблёва и шнур следствия сошлись до сантиметра, и теперь у следствия, между нами, есть мера, с которой не поспоришь: не показание против показания, а метр против листа.

Стёпа стоял у стены и слушал счёт до конца. Потом сказал то, что я вношу дословно:

— Стена досчитала до одиннадцати. Система досчитала до четырёх. Разница между одиннадцатью и четырьмя — это не число, капитан. Это семь человек, которых система не досчитала.

Семь человек, которых не досчитали. Я записала формулу целиком — она ляжет в реестр сильнее, чем любой расчёт: расчёт говорит «сколько дверей», формула говорит «кого».

Дальше — простук. Кеша прошёл все одиннадцать: четыре открытых прозвучали объёмом, семь заделанных — слоем с несогласием. Вера Степановна прошла вдоль стены вслед за костяшками и легла у одиннадцатой двери — но со стороны внешней. Я, Сергей, замерла. За шесть книг коза ложилась у всего со стороны внутренней: у прилавка, у шкафа, у пятого шва, у журнала. Внешняя сторона — это первый случай, и это, между нами, не ошибка козы, а выбор козы: она легла лицом к выходу. К выходу наружу, на улицу, где стоит трава. Показание я внесла с формулировкой «коза выбрала внешнюю сторону. Основание — её» — и оставила вопрос открытым: за одиннадцатой дверью может лежать не подвал. Что именно — дверь пока не сказала, а спрашивать дверь, не открыв её, значит портить показание.

Труба над райцентром весь обмер молчала. Мы мерили стену два часа — ни одной ноты. А когда Гвоздева внесла в протокол последнюю цифру и строка закрылась — труба скрипнула. Один раз. На «до». Я записала время — двенадцать ноль-ноль ровно; Гвоздева записала своё; Ветров с вахты записал своё — по своим часам. Три источника снова сошлись, и показание перевернулось по смыслу: «до» в первые субботы стояло над тем, к чему лежит шнур. Теперь оно прозвучало в минуту, когда шнур лёг на стол. Труба скрипнула не над стеной — над завершением.

После обмера — чай. По регламенту Нины: пьёшь медленно — не подписываешь. Подписывать было что: акт закрытия строки. Но акт подписывали медленно, потому что регламент — единственная в районе конструкция, которая умеет останавливать следствие, и останавливает она его не запретом, а темпом.

И здесь началась вторая половина субботы — та, ради которой я и вела главу.

Кеша принёс из ящика следствия отцовскую рейсшину. Ту самую, которой отец поверял его шаг, — сорокавосьмилетнюю, деревянную, с латунной кромкой. Он положил её на стол рядом с копией плана — готовить руку к черчению, как было записано в реестре первой главы. И рейсшина, Сергей, легла — сама, без руки, которая её ставила, — вдоль строки масштаба на копии. Вдоль той самой линии, по которой план обещал: весь дом поместится в лист.

— Она знает линию, — сказала бабушка и наклонилась. — Дочка, посмотри на кромку.

На латунной кромке, у самого края, под слоями сорокавосьмилетней полировки, проступало клеймо. Маленькое, выцарапанное, из тех, что ставят не для заказа, а для себя: «1:100».

Один к сто. Тот же масштаб, что на штампе плана. Рейсшина, которой отец поверял шаг Кеши, и план, который умыкнул семь дверей, — одного ведомства. Проверку руками провели немедленно: приложили кромку к копии — линия легла на линию масштаба совпадением до долей миллиметра. Это не направление. Это уже принадлежность: у меры следствия и у меры плана один инструмент семейства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.